

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ ГОВОР МЯДИНИНКСКОЙ АПИЛИНКИ)

Е. М. КОНИЦКАЯ

Говоры литовско-белорусского пограничья уже довольно долгое время являются объектом пристального внимания исследователей благодаря целому ряду факторов, в первую очередь, динамизму процессов, происходящих на данной территории (Vidugiris, 1983, Krupoves, 1992, Чекманас, 1988 и др.), а также тому особенно благоприятному для исследования данных говоров обстоятельству, что хорошо известны все контактирующие языки и социальные условия, при которых это взаимодействие происходило и происходит (Чекман, 1982, 123).

Одной из важных проблем, затрагивающих существенные стороны лингвистической ситуации данного ареала, является проблема взаимовлияния контактирующих языков. Известно, что юго-восточная Литва характеризуется такой ситуацией, при которой каждый из представленных здесь языков ("просты", польский, русский) используется в определенных ситуативных условиях, обладает различным социальным статусом: польский является социально наиболее престижным, "просты" (который представляет собой диалект белорусского языка) является языком семейного, домашнего общения, а русский до недавнего времени был преимущественно языком административным. Все три языка близкородственны, что обуславливает легкость взаимопроникновения элементов из одного языка в другой.

Это особенно актуально для польского языка юго-восточной Литвы, который в данном ареале имеет адстратный характер, является интердиалектом, в отличие от тех территорий, где польский язык, используемый как род-

ной, является территориальной разновидностью польского языка и может быть определен как польский говор (Чекман, 1982, 125–128).

В данной статье нас интересует проблема взаимодействия языков в следующем отношении: каким образом на базе "простого" (белорусского) языка осуществляется переход на польский; какие при этом используются средства и существует ли иерархия средств перехода. Выяснение этих вопросов предполагает описание социалингвистической ситуации и определения, насколько сознательно относятся жители данного ареала к продуцированию речи на польском языке.

При характеристике социалингвистической ситуации и рассмотрении собственно языкового материала мы исходим из положения, выдвинутого В. Н. Чекманом, о существовании вертикальной структуры интердиалекта, под которой понимается возможность установления трех групп населения по степени владения польским языком. В первую группу включаются жители, исключительно или преимущественно польскоязычные; во вторую – использующие в быту белорусский, но умеющие говорить по-польски; в третью – понимающие польский язык, знающие несколько ходовых фраз, но практически не продуцирующие связный текст. Именно вторая группа представляет наибольший интерес для вскрытия механизма образования польского языка в данном ареале (Чекман, 1982, 128–129).

Материалом для исследования послужили диалектологические записи, сделанные во время экспедиций 1990–1991 г.г. в Мядининкской апилинке Вильнюсского района Литвы. В качестве информаторов выбирались местные жители в возрасте от 60-ти до 80-ти лет, по степени владения польским языком относящиеся ко второй из названных групп населения. Мядининкай – деревня, расположенная в 31 км к юго-востоку от Вильнюса, центр апилинки. В ней проживает свыше 500 жителей, имеется средняя школа, дом культуры, библиотека. Кроме Мядининкай, обследова-

лись близлежащие деревни: Дайнава, Дварчяй, Кейпунай, Баушишкес, Вайткишкес, Слабада, Белазаришкес, Пагуойис, Куосине, Падваренис и др.

Языковая ситуация на территории Мядининкской апилинки во многом аналогична ситуации в других местностях литовско-белорусского пограничья (см.: Кгуровес, 1992, Варенич, 1982 и др.).

Обычный язык общения – "просты": //Po prostu rozmaw'amy/ fšystko po prostu// (Кадевич Ян, 1934 г. рожд., Слабада); //Do domu pšyšetšy, z rodz'ino, sam'í s sobo to po prostu/ (Анджеевски Вацлав, 1913 г. рожд., Слабада). С точки зрения местных жителей, этот язык похож на белорусский: //Jak'is'to n'e rusk'í, b'alorusk'í tak'í// (Скалубович Винценты, 1910 г. рожд., Вайткишкес); //Nародоб'е b'alorusk'ego// (Шляхтович Станислав, 1930, г. рожд., Пагуойис); //Pochodz'í troche do b'alorusk'ego// (Жабелович Антонина, 1914 г. рожд., Баушишкес). Некоторые его даже отождествляют с белорусским: //M'endzy sobo to i po b'alorusku// (Боярович Станислава, 1923 г. рожд., Мядининкай). Другие считают, что этот язык отличается от белорусского: //Na B'alorus'í jin'ej razmuv'ajo, nu kan'ešna jin'ej// (Микульская Вероника, 1923 г. рожд., Куосине); //Tak grupše zanošo tam v B'alorus'í// (Скалубович Леонара, 1919 г. рожд., Вайткишкес); //Он n'e b'alorusk'í. To jedno słowo po pol'sku, po prostu, po rosyjsku// (Шушкевич Юзефа, 1921 г. рожд., Слабада). Оценивается этот язык довольно низко; это непрестижный, некрасивый язык: //Со n'eladne, со n'ekul'turne – to i jenzyk prosty// (Тумас Мечислав, 1929 г., рожд. Шилькине); //tak'í jenzyk n'eladny// (Пашникович Антонина, 1919 г. рожд., Дварчяй). "Karóv'iny jenzyk", "s'ak'erny", "durnovaty", "dz'ík'í" – обычные определения "простого" языка.

Такие сферы, как костел, школа, общение с незнакомыми людьми, требуют использования польского языка: //Jak že bend'is s ks'endzem po prostu rozmaw'ac', tšeba juš po pol'sku// (Каплевска Ядвига, 1931 г. рожд., Баушишкес); //s

ks'endzem to pevn'e po pol'sku// (Дашкевич Ядвига, 1931 г. рожд., Слабада); //A s cudzym c'i z n'eznajomym to jak že š, tyl'ko po pol'sku// (Каплевска Ядвига); //Juš jak l'epše l'udž'i pšyjado, to juš po pol'sku// (Барташевич Стефания, 1923 г. рожд., Вайткишкес). Польский язык является престижным, оценивается положительно, высоко: //Pol'sk'i jenzyk samy kul'turn'ejšy po mojemu//Samy samy del'i kantn'ejšy, samy ładn'ejšy – pol'ski// (Юргелевич Станислава, 1911 г. рожд., Слабада).

Люди старшего поколения отмечают, что языковая ситуация меняется очень динамично; младшее поколение гораздо лучше знает польский язык: //Młode to juš po pol'sku rozum'ejo// (Анджеевски Вацлав); //Dužo l'er'ej teras po pol'sku rozmav'ajo// (Скалубович Меланья, 1911 г. рожд., Вайткишкес). Переход к польскому связывается со стремлением к большей культуре, образованности: //A teras del'ikac'ic' s'e juš začel'i, po pol'sku v'encej rozmav'ajo// (Дашкевич Ядвига); //Ktury chce juš troche potšumac's'e, to juš po pol'sku// (Шушкевич Юзефа); //Kul'turn'ej juš po pol'sku// (Скалубович Меланья).

Старшее поколение, осознавая необходимость польского языка в определенных ситуациях общения (//Po pol'sku rozmav'ac' obov'onskovo člov'ek potšebuji// (Шушкевич Юзефа), старается не уронить свое достоинство и говорить по-польски: //Jak po pol'sku do mn'e to i ja po pol'sku// (Юргелевич Станислава). Это требует известного напряжения сил: //Dl'a starego c'enško nastav'ac's'e po pol'sku// (Скалубович Винценты); //Jak dževa lam'am – po pol'sku rozmav'am//Peine usta jenzuka// (Тумас Мечислав).

При условии, что первичный язык местных жителей – "просты", а польский был недостаточно широко распространен (//U nas to po pol'sku malo rozmav'al'i// (Юргелевич Станислава), и местное население не имело большого опыта общения на польском языке, продуцирование текстов на польском оказывается возможным только (или в

большей мере) благодаря наличию определенных способов переоформления "простого" языка на близкородственный польский язык, своего рода пересчета с одного языка на другой. В результате такого пересчета возникают гиперкорректные формы (гиперизмы) – ошибки, свидетельствующие об активном, сознательном поиске форм выражения на польском языке при опоре на определенные правила перехода.

В Мядининском говоре используется практически тот же набор средств пересчета, что и в описанном В. Н. Чекманом говоре Гродненского района (см.: Чекман, 1982, 132–135).

Самое распространенное средство – перенос ударения по правилам польского языка на второй от конца слог: *cha-dák 'i* – хадаки (башмаки), *ručáj* – ручай, *raznakom 'ila* – понакомила, *závot* – завод и др. Информаторы хорошо осознают характер пересчета: //*Tumásy... Tumásy po pol'sku//Zavady, zavody po pol'sku//*. Нередко информаторы не сразу осуществляют переоформление слова, а делают это как бы вдогонку, исправляя "простое" слово на "польское": //*Zaslan'am zaslankaj... c'i v'eš co to zaslonka?//* (Скалубович Леонора).

Правило переноса ударения не всегда реализуется (ср.: //*V'egún tak'i byl//Mały sužók//Mama vezm'e skarác'//*. Одной из причин этого является, на наш взгляд, то, что в польском крзсовом диалекте ударение в некоторых случаях регулярно стоит либо на последнем слог (напр., в глагольных формах: *porát*, *pušet*, *rob'ic'*, *rodéjm*; в формах сравнительной степени: *davn'ej*, *gan'ej* и др.), либо на третьем от конца слог (уменьшительно-ласкательные прилагательные: *mal'ús'en'ka*, *ładn'en'ka*, *červón'en'k'i* и др.). Вероятно, сама возможность такого рода ударений делает правило переноса ударения на предпоследний слог менее жестким.

Кроме переноса ударения (т. е. суперсегментного средства), существует целый ряд фонетических средств, исполь-

зуемых в говоре Мядининской апилинки: устранение ака-
 нья/яканья (vukočoval'í, okuratno, zarosn'áčk'í odryna),
 замена белорусского **u** на **f** в конце слова и слога (zas'c'á-
 kuf, z l'itofko), замена **γ** на **g** (gospodaš, gos'c'in'ec), заме-
 на **u**, а на **o**, **n** (**m**), **en** (**m**): m'enso, kondz'el', postom p'ii),
 замена **o** на **u** в некоторых корнях (vujsko, n'e dujde), за-
 мена **g** на **ž**, **š** (gžyby, bžez'n'ak, pšadz'ady, pšavda, kšyk),
 замена сочетаний **oro**, **oło** на **ro**, **śo** (droška, błotn'ina,
 brov'ikuf).

Особый интерес, на наш взгляд, представляют те слу-
 чаи, когда переоформление слова требует выполнения не-
 скольких операций, Напр.: //on był b o γ á t...
 b ó g a t, bóga t//j a γ ó tam ja n'e v'em jak tam
 fa m'il'ija j é g o//. Здесь требуется: 1) заменить **γ** на **g**, 2)
 перенести ударение с последнего слога на предпоследний,
 3) убрать аканье. Подобным образом для пересчета слова
 čařav'ek нужно осуществить следующие операции: 1) -ařa за-
 менить на -lo-, 2) перенести ударение.

Судя по некоторым данным, для пересчета слова на
 польский язык достаточным может оказаться выполнение
 не всего комплекса преобразований, а хотя бы некоторых
 из них, иногда даже одного; выполнение некоторого мини-
 мума операций уже обеспечивает "польскость" слова. В ре-
 зультате своеобразной экономии средств получаем такие
 формы, как bogón'ik, b'alogúsk'ego, člov'ék, gospodaš. При
 этом можно предполагать, что перенос ударения является
 иерархически как бы более низким средством, чем звуковое
 (фонетическое) переоформление слова.

Фонетический пересчет можно рассматривать как свое-
 го рода фонетическое калькирование. В говоре используют-
 ся также морфологические средства переоформления "про-
 стого" языка на польский, ср.: кэмная -k'emna, багаты -bogat
 и др. Как средство морфологического пересчета использу-
 ется правило употребления окончания -uf в родительном
 пад. множеств. ч.: jolkuf, chatkuf, droguf, školuf.

В говоре Мядининской апилинки довольно широко представлены словообразовательные кальки. Так, активно используются приставки *pře-* в соответствии с *pro-*, *per-*; *př-* *u-* в соответствии с *pr-*: *tak přežyval'í, byl přuyukšy, přušlos'a, pšeryvu, pševruty*. Используется также поморфемный перевод (*z a f š y s t k' i m te dz'ec'i...*), либо перевод отдельных морфем: *rozaf č o r a j, rozap š o š l y* и под.

Возвращаясь к вопросу об ударении как способе адаптации белорусских слов на польский язык, отметим, что в случаях, когда используется польская лексема, в правильности которой информатор уверен, место ударения не играет, вероятно, большой роли и как правило стоит на том же слоге при словоизменении, что и в начальной словоформе: *//on tam za kšákam'í//z jim'ónam'í n'e krenc'il'í s'e//do Turg'el/ do Jacún//v'el'e dz'es'enc'in//*.

Выше мы не раз отмечали сознательный характер отношения к продуцированию польского текста наших информаторов и приводили в качестве подтверждения те гиперкорректные формы, которые постоянно встречаются в речи местных жителей (*brov'ik'í, pšeryvu, okuratno*). Кроме отдельных форм, показателем аг...вного отношения к порождению польской речи являются и другие факты. Наиболее ярким свидетельством служит переход от внутренней речи к внешней. Как правило, местные жители думают на "простом" языке, что иногда прорывается в речи на польском, когда, отвечая на вопрос, информаторы начинают думать вслух "по-просту": *//Try, čatyru, p'ac'... os'em m'eškan'uf zostalo//* (Скалубович Винценты), *//Try...tšy gekтары m'al//* (Микульска Вероника). Местные жители следят за правильностью своей польской речи и, если в потоке речи была допущена ошибка, то в последующем тексте эта ошибка обычно устраняется, иногда неоднократно повторением того же польского слова: *//M'isa m' a s a nak-rájona, nagotovana na stol'e, kuždy sob'e kavalak m'e n s a vezm'e//* (Юсель Павлина, 1909 г. рожд.,

Кейпунай); //Pansk'í byl l' e s... l' a s tak'í... f tym l' a s' e... f tym l' e s' e// (Юргелевич Станислава); //Teras tyl'ko s u t k' i... cało d o b e ɣul'ajo// (Скалубович Леонора).

Если по каким-то причинам не удается произвести пересчет слова, то оно вводится в польскую речь при помощи определенных средств; одним из самых распространенных является ссылка на коллективный речевой опыт: //Źej... jak to muv'í s'e, retko, retko// (Микульска Вероника), //Pryp'ek, jak my nazyval'í k'edys' davn'ej, do grup'eku// (она же). Кроме того, может быть использовано местоимение *taki* или *ten*. При этом местоимение становится как бы маркером "польскости" речи информатора и одновременно является сигналом введения в польскую речь явно непольского слова, которому не было найдено адекватной замены: //Tak'í...ɣurtok tam byl kumun'istyčny// (Шушкевич Юзефа), //Tam bołont'ik tak'í byl// (Анджеевски Вацлав), //M'al'n'ica była, trapačka taka// (Скалубович Леонора), //Te całšev'ik'í gosno// (Боярович Станислава). В некоторых случаях белорусское ("простое") слово вводится в польскую речь при помощи интонации выделения, что выполняет ту же функцию, что и местоимение *taki* : //V'eš jaka to była... krutn'a// (Боярович Станислава).

**MANCHE BEZONDERHEITEN DER INTERFERENZ
BEI DEN BEDINGUNGEN
BELORUSSISCHER-POLNISCHER ZWEISPRACHIGKEIT
(DIE MUNDART DES UMKREIS MEDININKAI)**

E. M. KONITZKAJA

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Artikel hat das Ziel, die sociolinguistische Situation in einem Umkreis von süd-ost Litauen zu erforschen und Status des Gebrauches der "einfachen" Sprache (der Mundart der weißrussischen Sprache), der polnischen und der russischen Sprache festzustellen. Als Forschungsmaterial wurden die Ergebnisse der durchgeführten Mundartenforschungsreisen.

Л и т е р а т у р а

Веренич В. Л., 1982, Говор села Яшуны Литовской ССР (к характеристике этно-языковой ситуации на Виленщине). – *Studia nad polszszyzną kresową*, t. I. Wrocław etc., 139–150.

Савич Н. А., 1990, О языковой ситуации в одном из ареалов юго-восточной части Вильнюсского края. – *Kalbotyra*, t. 41(2), 41–48.

Чекман В. Н., 1982, К социолингвистической характеристике польских говоров белорусско-литовского пограничья. – *Studia nad polszszyzną kresową*, t. I. Wrocław etc., 123–138.

Чекмонас В., 1988, Функционирование языков и билингвизм. – *Lietuvių kalbotyros klausimai*, t. 27: *Lietuvių kalba ir bilingvizmas*. Vilnius: Mokslas, 37–54.

Krupoves M., 1992, Sociolingvistinė situacija Eišiškių apylinkėse. – *Rytų Lietuva: Istorija, kultūra, kalba*. – Vilnius: Mokslas, 231–236.

Vidugiris A., 1983, Dėl kalbų kontaktavimo pietryčių Lietuvoje. – *Lietuvių kalbotyros klausimai*, t. 23: *Kalbų kontaktai Lietuvos TSR*. Vilnius: Mokslas, 46–60.

Вильнюсский университет
Кафедра славянской филологии

Март 1993